

учению их неспасенному, но кривому и слабому», автор «слова» советуёт в таких случаях передать учение вместо недостойного «епископа и учителя» «простому»: «... тогда подобает овца овца паствити... да аще добре научит простой, и то добро»; «Доброе же учение прими, аще от простаго слышиши, а злаго учения не прими, аще и святитель есть учай» (В. А. Яковлев, стр. 50).

Высказанная в 1934 г. А. Д. Седельниковым гипотеза о принадлежности Измарагда к «стригольничьей книжности»¹³ была поддержана в 1940 г. Н. П. Поповым,¹⁴ который утверждал, что специфически стригольничьей для XIV в. является в Измарагде проповедь высокого уважения к «книжному почитанию».¹⁵ Однако «святые книги», к чтению которых постоянно призывают «слова» Измарагда, для всего средневековья были величайшим и притом единственным авторитетом, на котором покоилось и церковно-догматическое, и морально-философское учение христианства. Выше показано, что уже Изборник и русская летопись высоко ценили «книжное учение», и советы Измарагда, внушающие мысль о спасительности его, повторяются древнерусской литературой на всем ее пути. В то же время Измарагд осуждал «высокомудрствующих», требующих «многих книг», ищущих «земной мудрости». И наконец, «Слово о лживых учителях» прямо предостерегает против «злого учения», «неспасенного», и рекомендует даже лучше доверять «доброе учение» «простым», т. е. не имеющим духовного сана. Н. П. Попов пытается истолковать эти наставления как желание стригольников «перестроить традиционное христианское вероисповедание и выражающий его культ на новых основаниях» (Н. П. Попов, стр. 39). Однако Измарагд ссылается на апостола Павла, предлагая доверять «простым» людям право на пастырство, если они учат «дóбро», в том случае, когда нет духовного наставника — «не сущу епископу и учителю». Вместе с указанием одного из «слов» Измарагда, что епископ, как руководитель общины верующих, должен получить право на учение от чтецов и певцов, не имеющих духовного сана, это разрешение «простым» учить может указывать на практику церковной жизни в Новгородской земле, где еще в XIV в. оставались малонаселенные области, куда не дошла правильная церковная организация («не сущу епископу и учителю»), и приходилось довольствоваться «простым» наставником («да аще добре научит простой, и то добро») (В. А. Яковлев, стр. 50). Весь текст Измарагда, начиная со старшей его редакции, проникнут глубоким уважением к церковным властям — к «отцам духовным», учит повиноваться им и не осуждать их «дела, если учение их «дóбро»; поэтому нет никакого основания подозревать составителя сборников в намерении отменить существующую церковную организацию и передать ее права мирянам. Этой тенденцией Н. П. Попова преувеличить роль мирян в церковной жизни, как это якобы рисовалось соста-

¹³ А. Д. Седельников. Следы стригольничьей книжности. — ТОДРА, т. I, Л., 1934, стр. 128—133.

¹⁴ Н. П. Попов. Памятники литературы стригольников. — ИЗ, 1940, № 7, стр. 34—45 (далее: Н. П. Попов).

¹⁵ А. И. Клибанов в монографии «Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в.» (М., 1960, стр. 385—387) не принимает гипотезы А. Д. Седельникова и Н. П. Попова, относя составление первой редакции Измарагда к первой половине XIV в., когда стригольничество еще не оформилось. Не связывает А. И. Клибанов этот сборник и с антицерковным движением начала XIV в. «Ведущей» темой для старшей редакции Измарагда и для Златой Чепи исследователь признает «тему учения книжного» (там же, стр. 386). Эта тема, как выше показано, действительно очень интересовала составителя. Однако традиция начинать учительный сборник на тему «как жити христианину» поучением о «почитании книжном» идет уже от русского Изборника 1076 г.